

РОЛЬ МЕНТАЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ ФУНКЦИИ СУБЪЕКТА

N.V. Malchukova

MENTALITY ROLE IN REALISATION OF SPEECH FUNCTION OF THE SUBJECT

Concept of mentality is considered in interrelation with concept of subject-realization. It's emphasized that mentality is a complex phenomenon of super subject-realization nature. It's proved that mentality, being a product of language interaction, does not produce statements, but represents itself as their specific modifier.

В философии языка еще с 1970-х гг. известны влиятельные концепции, отводящие решающую роль убеждениям, вере, ментальности в лингвистической продуктивности субъекта [1]. Эти концепции подвергнуты основательной критике в отечественной литературе [2]. Критика справедливо воспроизводит важные недочеты, неясности и принципиальную недостаточность этих концепций в истолковании «производства» субъектом высказываний в рамках естественного языка. В то же время остаются неполными знания о том, каковы действительные позитивные функции ментальных состояний в языковой реализации субъекта. Вопросу о природе и действительном влиянии феномена ментальности на лингвистическую активность субъекта и посвящена настоящая статья.

Согласно научным, философским и языковедческим данным, рубежный переход от чисто сенсорных способов переработки информации живыми системами к примитивным языкам рационального воспроизведения действительности был связан с возникновением глагола, а следовательно, с осознанием действующего (субъекта) [3], каковым по условиям практики выступал сам человек. В результате этого возникло специфическое лингвистическое и интеллектуальное отношение базисной субъектности, под которой со стороны интеллектуальной следует понимать понятийное фиксирование субъекта как носителя (автора) действия, а со стороны логико-лингвистической – выделение в изначально единых словах-предложениях четко выраженного подлежащего и сказуемого (логически – субъекта и предиката). Эта грамматическая и логическая расчлененность свидетельствовала о новой форме исчислительных [4] механизмов, лежащих в основе эволюционного усовершенствования языка (ведь субъектно-предикатная структура предложения в общем случае указывает на вхождение класса субъекта в класс предиката при определенной самостоятельности субъекта). Вместе с этим сразу же придется признать, что, во-первых, у далеких предков современного человека оказа-

лась обогащенная «сетка» языковых средств получения, обработки, переработки информации (язык сенсорики – рефлекслируемый и нерефлекслируемый – и вербальный язык), а во-вторых, сразу же возникло специфическое лингво-интеллектуальное отношение суперсубъектности. Именно трансязыковой характер отношений между этими языковыми системами обусловил возникновение суперсубъектности, под которой надо понимать тот ее существенный признак, что в ней осуществляется мысленное метаотношение. В нем полагается своеобразное интеллектуальное и чувственное состояние субъекта, которое как бы «надстраивается» над его состояниями и действиями в качестве некоего независимого носителя действия или мысли. Реально суперсубъектность проявляется поначалу в формировании страдательного залога (*мне чувствуется* или реликтовая форма – *мне хочу*), а также в конструировании иллюзорного субъекта, что в конечном счете повлекло формирование мифологических и религиозных знаково-символических систем и языков. Согласно К. Ухленбеку, североамериканский индеец считает себя не действующим лицом, а виновником действия, его исполнителем. Строй речи индейца должен был отразить это его миропонимание [5].

Имея это в виду, целесообразно указать некоторые градации, касающиеся специфики статуса этого «действителя», т. е. субъекта. Древний субъект в выражении *дождь падает* у Гомера выражается *Зевс дождил* [6]. По этому поводу Н.Я. Марр писал: «Все так называемые безличные глаголы: русский «меня лихорадит», французский *il fait chaud* «жарит», французский *il pleut*, немецкий *es regnet* «он льет с неба», смущают теперь как исключительные глаголы, ибо, сообщая о состоянии здоровья или погоды, они оформлены как действительные вопреки ожиданиям нашего мышления, и это вынуждает составителей схоластических грамматик называть их «безличными», тогда как на деле лицо это, третье, имеется, но это лицо субъект «он», «она» или «оно», некогда производственный тотем» [7]. Ирреальный, пережиточный субъект в виде мифологической персонификации или сохранившихся форм безличных глаголов, невзирая на свою архаичность, свидетельствует о знаменательных мыслительных перестройках и переходах, а именно: мистико-мифологическое и тотемное, а также «безличное» восприятие субъекта действия означало движение сознания по пути все большего обобщения и абстрагирования, при котором субъект понимается не просто как конкретное лицо, границы и пространство которого вполне определимы (как это характерно для обычных глаголов), а как «повсеместный субъект» – носитель неограниченных сил и произвола. Такое осмысление субъекта, несомненно, происходило при участии сенсорно-эмоциональных состояний древнего человека, что означало взаимодействие рациональных и чувственных кодовых структур, результатом чего и стало это первоначальное становление суперсубъектности. Впоследствии эти архаические формы суперсубъектности отпали или были заменены, однако механизм их порождения оказался действенным и продуктивным и привел, в частности, к возникновению такой комплексированной формы суперсубъектности, как ментальность.

Представление о комплексном характере ментальности так или иначе имело место уже в этнолингвистической традиции [8], которая впервые в своих исследованиях зафиксировала специфические в этнонациональном плане первобытные способы мышления и специфические способы их семиотического (языкового) представления, в соответствии с чем ментальность может быть определена как своеобразная ступень логики, языка и одновременно картины мира, когда этнонационально исходные логико-семиотические структуры и фигуры связываются с соответствующими поведенческими нормативами. Причем, как отмечают исследователи [9], исходное своеобразие биопсихической эволюции ментального комплекса следует объяснять единством экологического и потребностного аспектов существования человека.

Таким образом, ядро ментальности образуют не просто социально-психологические установки и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности [10], а социально-психологические установки и представления людей, принадлежащих, прежде всего, к той или иной этнонациональной общности.

В целом ментальность составлена, во-первых, архаизованными элементами эмоционально-чувственной природы с весьма слабой рациональной проработкой, во-вторых, традициями и обычаями, в-третьих, художественной культурой и философско-этико-эстетическими разработками. Срединный «слой» – традиционный, рассудочный, связанный с исходным и в то же время способный к восприятию элементов рефлексивного уровня – как раз и образует центральную часть ментальности. При этом современными исследователями ментальности совершенно справедливо подчеркивается, что ментальность не детерминируется всецело наличным социальным строем и производственными отношениями [11] (т. е. индивидуальное да и групповое мышление людей обладает определенной автономностью по отношению к вырабатываемым и насаждаемым идеолого-политическим схемам); что идеологические средства хотя и способны активизировать определенные аспекты ментальностей, но все-таки «в большей мере их высвечивают и выявляют, нежели создают, ибо пускают корни в обществе преимущественно лишь те стороны идеологии, которые находят себе почву в ментальностях, перерабатываясь в соответствии с ними» [12]. Таким образом, идеолого-политическая «верхняя периферия» ментального комплекса стремится, с одной стороны, апеллировать к центральному уровню, с другой – нередко претендует на теоретическое обоснование форм обновления ментальности.

Исходной сферой выражения, хранения и воспроизводства ментальности в ее фундаментальном содержании выступает взаимосвязь таких знаково-символических средств, как национальный язык и мифопоэтическое, сказочное (эпическое) народное творчество. При этом наиболее зрелую, рефлексивную форму своего осуществления ментальность обретает в области высокохудожественного индивидуально-авторского творчества.

Таким образом, ментальность представляет собой некоторую синкретическую, небессистемную, довольно устойчивую часть духовности, которая обуславливает специфичность, а порой и уникальность различных форм речевых проявлений относительно дифференцированных человеческих сообществ. Это полностью подтверждается как результатами лингво-культурологического анализа, так и свидетельствами тех, кто оказался вовлеченным в билингвистическую или мультилингвистическую практику.

Так, например, анализируя русский язык в сравнении с другими европейскими языками, исследователи делают ряд выводов об особенностях, содержательных характеристиках русской ментальности, касающихся восприятия человеком мира и самого себя в рамках этого мира, которые и определяют своеобразие синтаксической и лексической организации русского языка. При этом они подчеркивают, что именно структура языка (синтактика) очерчивает границы национальной картины мира, тогда как словарный состав ее своеобразно достраивает, исходя из исторической действительности [13]. Такие особенности русского синтаксиса, как отсутствие жесткой структуры предложения (подлежащее, сказуемое и дополнение могут располагаться относительно друг друга любым образом, т. е. высказывание строится путем видоизменения слов путем их склонения, спряжения и т. д.) и широкое распространение неагентивных предложений – конструкций с дательным падежом субъекта (*мне не верится, мне хочется, мне помнится*) и безличных конструкций (*его убило молнией, его лихорадило*) – является свидетельством сразу нескольких взаимосвязанных особенностей русской ментальности. Во-первых, это мистически ориентированное, иррациональное отношение к миру, когда он предстает как неструктурированный и непредсказуемый, нелогичный, полный загадок, а человеческое мышление и знание понимаются как принципиально ограниченные. Во-вторых, это неагентивность, т. е. ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь. В-третьих, это широта натуры [14] и соборность [15].

Об упомянутых особенностях русской ментальности, в частности, о мистически ориентированном, иррациональном отношении к миру и о неагентивности свидетельствует и лексическая организация русского языка. Поле неопределенности, например, в русском языке гораздо богаче, чем во многих других: здесь «на месте одного разряда неопределенных местоимений имеется три – местоимения на *-то*, *-нибудь* и *кое-* (если не четыре, учитывая *некий, некто*): обращает на себя внимание отчетливо национальное тяготение русского дискурса к неопределенным модальным показателям: бесконечные *почему-то, что-то, должно быть* и проч.» [16]. На характерную для русской лексики неагентивность указывают глаголы типа *удалось, успеть/не успеть, получилось, вышло, повезло*, а также значимость такого понятия, как судьба [17].

Кроме указанных русская лексика свидетельствует и о других особенностях русской ментальности: эмоциональности и любви к морали. Под эмоциональностью в данном случае понимается ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении. В этом смысле русский язык отличается, например, от английского более подробной разработкой семантического поля эмоций, а также наличием выражений, обозначающих крайние по интенсивности проявления эмоций, которые не имеют лексических соответствий в английском языке: *заливаться смехом, надрываться от смеха, лить слезы рекой, обидно до слез* и т. д. [18]. Что касается любви к морали, то она в данном случае подразумевает абсолютизацию моральных измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (как в других, так и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям [19]. Совсем не случайным в связи с этим является то, что душа, понимаемая как морально-эмоциональное ядро человека и часто выступающая в русском языке как синекдоха по отношению к личности человека в целом [20], является одним из центральных концептов русской ментальности.

А вот как оценивает изобразительно-выразительные возможности английского и русского языков в соответствии с зафиксированными в них ментальностями (при переводе с английского на русский) В. Набоков. «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов, все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям – становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма. Эта невязка отражает основную разницу в историческом плане между зеленым русским литературным языком и зрелым, как лопающаяся по швам смоква, языком английским: между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда и довольно безвкусным юношей, и маститым гением,

соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной свободой духа. Свобода духа! Все дыхание человечества в этом сочетании слов» [21].

Высказывание Набокова примечательно в ряде отношений. Во-первых, оно говорит о том, что литератор является своеобразным полным «прозелитом», т. е. человеком, полностью поменявшим исходную (русскую) ментальность на английскую: он мыслит, чувствует и облекает эти мысли и чувства в художественном английском языке на предельно высоком уровне. Во-вторых, он полностью осознает тот факт, что русское выразимо на русском языке, а английское – на английском, и эквивалентность при переводе с одного языка на другой принципиально невозможна. А в-третьих, в его высказывании демонстративно проявляется суперсубъектность художественного языка и притом двойственным образом: 1) ментальность, действующая императивно при сочинении на избранном языке (суперсубъектность оригинала), тождественным образом императивно действующая ментальность языка, на который предполагается перевод (суперсубъектность перевода) и 2) суперсубъектность самого автора-переводчика в его роли своеобразного третейского судьи, которому она дана в форме негативной оценки, как осознание закрытости текста для адекватного перевода.

Итак, ментальность – это специфический комплексированный феномен суперсубъектной природы в силу того, что возникает он на основе трансязыкового контакта, выступая в то же время предельным ориентирующим речевое поведение субъекта феноменом. При этом ментальность реализуется как рефлексивно, так и автоматически. Ментальность не порождает высказывания. Она сама является продуктом языкового взаимодействия – взаимодействия рациональных и чувственных (рефлексируемых и нерефлексируемых) кодовых структур, хотя и оказывает вместе с тем обратное действие на речетворчество. В этом качестве ментальность не безразлична процессам формирования и выражения высказываний и выполняет целый спектр функций, который включает следующие наиболее характерные:

– функция сценирования. Выполняя эту функцию, ментальность обуславливает национально специфичное членение явлений мира, видение причинно-следственных связей и пространственно-временных характеристик, которые находят выражение в структуре и организации национальных языков. Как уже упоминалось, особенности русского синтаксиса и лексики, например, свидетельствуют о свойственном русской ментальности восприятию мира как непредсказуемого и полного загадок. А Б. Уорф, исследуя, в частности, язык хопи в сравнении с современными европейскими языками, которые он объединяет в понятие «общеевропейский стандарт», приходит к выводу о том, что хопи не знают категории времени в том виде, в каком она свойственна языкам «общеевропейского стандарта», когда временные понятия воспринимаются как исчисляемые количества и «длина», «отрезок» времени мыслятся в данном случае в виде одинаковых единиц, наподобие ряда бутылок. В результате языки «общеевропейского стандарта» формально не проводят различия между выражениями «десять человек» и «десять дней», тогда как в языке хопи выражение «десять дней» не употребляется, так как множественное число и количественные числительные в нем используются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовать реальную группу [22];

– функция реализации локального колорита. Выполняя эту функцию, ментальность обуславливает национально специфическую оценку субъектом реалий окружающего мира и своих собственных возможностей, состояний и характеристик. Об этом свидетельствуют, в частности, случаи семантической несовместимости определенной части слов русского и английского языков, которые подаются в словарях как эквиваленты, однако при этом точными эквивалентами, т. е. полностью совпадающими по значению, не являются. Например, *авось* и *may be*, *счастливый* и *happy*, *наслаждаться* и *enjoy* [23]. Об этом же свидетельствуют и случаи образного несоответствия или образной исключительности анималистических фразеологических единиц (ФЕ) русского и английского языков, когда такие фразеологизмы могут:

а) иметь аналог, т. е. ФЕ, совпадающую по значению, но отличную по образу: *sweat like a pig* «потеть как свинья» – обливаться потом, *(as) drunk as an owl* «пьяный как сыч» – пьяный в стельку и т. д.;

б) не иметь ни фразеологического соответствия (т. е. ФЕ, совпадающей и по образу, и по значению), ни аналога: *черная кошка между ними пробежала, менять кукушку на ястреба, жить как птица небесная, a black sheep* «черная овца» – позор семьи, негодяй, *drink like a fish* «пить как рыба» – пить очень много алкоголя, особенно пива, *eat like a horse* «есть как лошадь» – иметь хороший аппетит, есть хорошо и много, *(as) melancholy as a cat* «меланхолический как кошка» – впаавший в уныние, *(as) gay as a lark* «веселый как жаворонок» – очень веселый, *(as) gruff as a bear* «грубый как медведь» – грубиян и т. д.

– функция нормативно-нормирующая. Данная функция ментальности акцентирует ценности и нормы словоупотребления, т. е., другими словами, обуславливает «каноны разговорной этики». В этом случае ментальность может не только регламентировать употребление слов и выражений в зависимости от той или иной ситуации, но и фактически ограничивать употребление определенных слов, которые при этом отнюдь не являются ругательствами. Так, например, в Японии отказ, отрицание не может быть выражен прямо словами «нет», «не могу», «не знаю», а только иносказательно, обиняками. В гостях, отказываясь от второй чашки чая, гость вместо «нет, спасибо» употребляет выражение, которое дословно означает: «мне уже и так

прекрасно» [24]. Стремление говорить обиняками обусловлено желанием уклониться от открытого столкновения мнений, избежать прямых утверждений, способных задеть чье-либо самолюбие. Излюбленная японская пословица гласит – «Молчание красноречивее слов». В результате в Японии язык в большей степени, чем у других народов обрел ритуальные функции, «роль словесной смазки для механизма человеческих взаимоотношений» [25].

Выполняя данные функции в процессах речетворчества, ментальность выступает в качестве своеобразного модификатора высказываний, условием порождения которых являются взаимодействия субъекта с окружающей действительностью, с себе подобными, с самим собой. Фундаментальные представления, такие как субстанция, пространство, время, согласие/несогласие и т. д., являются общими для всех людей и как таковые находят выражение в национальных языках, однако в соответствии с ментальной установкой они могут получать разную интерпретацию. Ментальность как лингвистически оформленный феномен может, конечно, проявлять иницирующее воздействие на процессы порождения высказываний и текстов, и это вполне естественно, так же как индивидуальные литературно-поэтические стилевые воплощения могут побуждать к образованию высказываний по поводу этих воплощений, а также и других высказываний. Однако в этом нет собственно конструктивно-производящей функции: она принадлежит базисной субъектности как важнейшему свойству языка.

Следует иметь в виду также, что в процессах речетворчества роль ментальности может быть не только положительной – идентификация субъектом себя как части группы, общности, но и отрицательной в соответствующих условиях (например, в ситуации провозглашения национальной исключительности и т. д.). В этом случае, выполняя упомянутые функции, ментальность может способствовать излишнему отгораживанию и повышенной изоляции от лингвистических нормативов других ментальностей, в результате чего процесс идентификации может вступать в противоречие с процессом индивидуализации – осознанием субъектом своей уникальности, неповторимости. Вместе с тем в современном мире, когда субъект часто оказывается в ситуации одновременной принадлежности сразу к нескольким культурно-национальным общностям и осознание им уникальности своих связей с каждой из общностей как раз и составляет его индивидуальность [26], единство процессов идентификации и индивидуализации является действительно необходимым. Существенное значение в организации такого единства имеет положительно реализуемые речевые воплощения ментальности.

Литература и примечания

1. Серль Дж. Природа интенциональных состояний / Дж. Серль // *Философия. Логика. Язык* / под ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. М., 1987. С. 96–126; Fodor J.A. The modularity of mind / J.A. Fodor. Cambridge (Mass.), 1983; Fodor J. The language of thought / J. Fodor. Hassoks, 1976.
2. Лекторский В.А. Философия, искусственный интеллект и когнитивная наука / В. А. Лекторский // *Искусственный интеллект: Междисциплинарный подход* / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. М., 2006. С. 12–21; Петров В. В. От философии языка к философии сознания (Новые тенденции и их истоки) / В. В. Петров // *Философия. Логика. Язык* / под ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. М., 1987. С. 3–18; Петров В.В. Джерри Фодор: когнитивное измерение мышления / В.В. Петров // *Концептуализация и смысл*. Новосибирск, 1990. С. 227–232.
3. См., в частности, Мейс А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейс. М. – Л., 1938. С. 257.
4. Под исчислительностью понимается такой способ представления действительности, когда ее объектам и явлениям ставятся в соответствие материальные конфигурации/знаки (нейронные соединения, звуки, буквы, слова, цифры, и т. д.), с которыми затем по принятым в системе (в центральной нервной системе, в системе вербального языка и т. д.) правилам (правилам вывода) производятся операции, необходимые для решения поставленной задачи. Очевидно, что для живых систем, какой является и человек, предельно обобщенной первоочередной задачей является задача выживания, которая в процессе эволюции человека и человеческого общества приобретает определенную спецификацию. Что же касается правил вывода, являющихся важной характеристикой исчислительных процессов, то необходимо заметить, что они не ограничиваются в данном случае правилами формальной логики, и исчислительность, таким образом, предстает как множественность логических принципов и их дополнительность. Понятие же вычисления, если его трактовать широко, т. е. не отождествлять исключительно с числовыми и формально-логическими операциями, может рассматриваться как синоним исчислительных процессов и в то же время может обозначать конкретные случаи проявления исчислительности (включая числовые и формально-логические операции).
5. Мещанинов И.И. Новое учение о языке / И.И. Мещанинов. Л., 1933. С. 465; Его же. Проблемы классификации // *Советская этнография*. 1933. № 2. С. 45.
6. Мейс А. Указ. соч. С. 256.
7. Марр Н. Я. Язык и мышление / Н.Я. Марр // *Избранные работы: в 5 т.* – М. – Л., 1933–1937. Т. 3. С. 91–92; Наличие семантического субъекта в так называемых безличных предложениях подчеркивает также и современная лингвистика: Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. М., 1982; Павлов В. М. Субъект в безличных предложениях / В. М. Павлов // *Теория функциональной грамматики: Субъектность/Объектность*. СПб., 1992; Тарланов З. К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия / З. К. Тарланов // *Филологические науки*. № 5–6, 1998. С. 65–75.

8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. М.: Педагогика-Пресс, 1999; Коул М. Культура и мышление / М. Коул, С. Скрибнер. М., 1977.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. М., 2004; Овчинников В.В. Сакура и дуб. Ветка сакуры и корни дуба / В. В. Овчинников. М., 2005; Юнг К. Душа и земля / К. Юнг // Проблемы души нашего времени. М., 1994. С. 134–158.
10. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии / А.Я. Гуревич // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1. С. 75.
11. Гуревич А.Я. Ментальность / А.Я. Гуревич // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 454.
12. Там же. С. 455.
13. Мельникова А.А. Язык и национальный характер: Взаимосвязь структуры языка и ментальности / А. А. Мельникова. М., 2003. С. 24.
14. При видоизменении слов расширяется количество их возможных вариаций, что является прямым ходом к нашей «широкой натуре». Об этом см. Мельникова А.А. Указ. соч. С. 165.
15. Многообразие форм при общности смысла простегивает наш язык, давая нам свободу выражения, но смиряя волю смысла. Смысл достоинство всеобщее, форма – всегда твоя. Проявление *соборности* в языке. См. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. СПб., 2007. С. 47.
16. Падучева Е. В. Феномен Анны Вежицкой / Е.В. Падучева // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 23.
17. Мельникова А.А. Указ. соч. С. 129.
18. См. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. М., 1996. С. 33–34, 38–55; Мельникова А. А. Указ. соч. С. 177–179.
19. Вежицкая А. Указ. соч. С. 33–34.
20. Падучева Е. В. Указ. соч. С. 22.
21. Набоков В. В. Постскриптум к русскому изданию / В.В. Набоков // Набоков В. В. Лолита. Камера обскура. Томск, 1991. С. 312–313.
22. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 142.
23. Вежицкая А. Указ. соч.
24. Овчинников В.В. Сакура и дуб. Впечатления и размышления о японцах и англичанах / В.В. Овчинников. Минск, 1987. С. 100.
25. Там же. С. 102.
26. Гозман Л. Идентичность, культурное самосознание / Л. Гозман, А. Эткинд // Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 34.

Literature

1. Serl J. The nature of intentional conditions / J. Serl//Philosophy. Logic. Language / under the editorship of D. P.Gorskii, V.V.Petrov. Moscow, 1987. P. 96–126; Fodor J. A. The modularity of mind / J. A. Fodor. Cambridge (Mass.) 1983; Fodor J. The language of thought / J. Fodor. Hassoks, 1976.
2. Lektorsky V.A. Philosophy, an artificial intellect and cognitive science / V.A.Lektorsky//The Artificial intellect: The Interdisciplinary approach / under the editorship of D.I.Dubrovsky, V.A.Lektorskii. Moscow, 2006. P. 12–21; Petrov V.V. From language philosophy to consciousness philosophy (New tendencies and their sources) / V.V.Petrov//Philosophy. Logic. Language / under the editorship of D. P.Gorskogo, V.V.Petrov. Moscow, 1987. P. 3–18; Petrov V.V.Dzherri Fodor: cognitive thinking measurement / V.V.Petrov//Conceptualization and sense. Novosibirsk, 1990. P. 227–232.
3. Meje A.The introduction into the comparative studying of Indo-European languages / A.Meje. Moscow. – Leningrad, 1938. P. 257.
5. Meschaninov I.I. New doctrine about language / I.I. Meschaninov Leningrad, 1933, P. 465; Classification Problems// Soviet ethnography. 1933, № 2, P. 45.
6. Meje A.Pointed comp. P. 256.
7. Marr N.Ya.The language and thinking / N.Ya.Marr//the Selected works: in 5 v. 3, Moscow. – Leningrad, 1933–1937. P. 91–92; Presence of the semantic subject in so-called impersonal offers underlines as well modern linguistics: Zolotov G. A. Communicative aspects of Russian syntax / G.A.Zolotov. M., 1982; Pavlov V.M. Subject in impersonal offers / V.M.Pavlov//The Theory of functional grammar: Subjectivity/Objectivity Saint - Petersburg, 1992; Tarlanov Z.K. Russian the impersonal sentence in a context of ethnic attitude / Z.K.Tarlanov//Philological sciences. № 5–6, 1998. P. 65–75.
8. Levi-Bryul L. Supernatural in primitive thinking / L.Levi-Bryul Moscow «Pedagogics-press», 1999; Cole M.Culture and thinking / M. Cole, S.Skribner. Moscow, 1977.
9. Gumilev L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth / L.N.Gumilev. Moscow, 2004; Ovchinnikov V.V. An Oriental cherry and an oak. A branch of an Oriental cherry and oak roots / V.V. Ovchinnikov. Moscow, 2005; Yung K. The soul and the earth / K.Yung//Problems of soul of our time. Moscow, 1994. P. 134–158.
10. Gurevich A.Ya.Problem of mentalities in a modern historiography / A.Ya.Gurevich//General history: the Discussions, new approaches. Fasc. I, Moscow, 1989. P. 75.
11. Gurevich A.Ya. Mentality / A.Ya.Gurevich//Experience of the dictionary of new thinking. Moscow, 1989. P. 454.
12. In the same place. P. 455.
13. Melnikova A.A. Language and national character: Interrelation of structure of language and mentality / A.A.Melnikova. Moscow, 2003. P. 24.
14. At modification of words the quantity of their possible variations that is a forward stroke to our «expansive nature» extends. About it see Melnikova A.A.Pointed comp. P. 165.

15. The variety of forms at a sense generality quilts our language, giving us expression freedom, but restraining will of sense. Sense property general, the form – always yours. Display of councilment in language. Kolesov V.V. see. Russian mentality in language and the text V.V. Kolesov. Saint-Petersbourg. 2007. P. 47.

16. Paducheva E.V. Anna Vezhbitskaya's phenomenon / E.V. Paducheva // Vezhbitskaya A. Language. Culture. Knowledge. Moscow, 1996. P. 23.

17. Melnikova A.A. Pointed comp. P. 129.

18. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Knowledge / A.Vezhbitskaya. Moscow, 1996. P. 33–34, 38–55; Melnikova A.A. Pointed comp. P. 177–179.

19. Vezhbitskaya A. Pointed comp.

20. Paducheva E.V. Pointed comp. P. 22.

21. Nabokov V.V. A postscript to the Russian edition / V.V. Nabokov // Lolita. The chamber obscure. Tomsk, 1991. P. 312–313.

22. Worf B.L. Attitude of norms of behaviour and thinking to language / B.L. Worf // New in linguistics. Moscow. 1960. Fasci P. 142.

23. Vezhbitskaya A. Pointed comp.

24. Ovchinnikov V.V. An Oriental cherry and an oak. Impressions and reflexions about Japanese and Englishmen / V.V. Ovchinnikov. Minsk, 1987. P. 100.

25. In the same place. P. 102.

26. Gozman L. Identity, cultural consciousness / L.Gozman, A.Etkind // Experience of the dictionary of new thinking. Moscow, 1989. P.34

Мальчукова Нина Валерьевна – кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета.

e-mail: ninamalchukova@mail.ru